

«ТО ВВЫСЬ ГЛЯДЕТЬ, ТО ПО-ИНОМУ, В ИЗМЕНЧИВУЮ ГЛУБИНУ...»

Наталья УСТИНОВСКАЯ

Нет пророка в своем Отечестве. Сколько раз мы убеждались в истинности этой классической строки! И сколько раз еще предстоит убедиться...

С Мариной Гершенович я познакомилась в 94-м в Новосибирске. С нее, по большому счету, началась для меня, уроженки юга, сибирская поэзия — широкая и сквозная, как цветаевский ветер. Когда на какой-нибудь непринужденной дружеской вечеринке она начинала читать или петь под гитару свои стихи, казалось, расступались стены, и все мы во власти морозных просторов, сурового северного раздолья, где так вольно и одновременно тревожно душе. Она тогда как-то обостренно чувствовала щемящее единение — природы и нас. Но...

«... В объятиях седеющей равнины,
где год прожив, стареешь за двоих,
ни дерева, ни мрамора, ни глины
ты не найдешь для идолов своих.
В окошко глядя, как в пустое око,
зимой бесснежной, где-то в январе,
смиришься с тем, что взгляд твой одиноко
завис на одиноком фонаре...», —

писала она в те годы. Нормальная семья, друзья-единомышленники — и все же одиночество. Извечное одиночество поэта, когда словам тесно в груди, а стихам — в заветной тетрадке. Когда хочется говорить во весь голос, и есть что сказать.

Помню, как она в одиночку, от всего отрешившись, на допотопном компьютере готовила к печати свой первый и последний на родине сборник. Он сейчас лежит передо мной — такой самиздатовский, так не дотягивающий до лощеной роскоши фолиантов нынешних «денежных мешков». Но так много в себя вместивший — боли, гармонии, таланта. Одинокий взгляд на одиноком фонаре, названный «Разговоры на распутье». Распутье человека, решающегося на Поступок. Уехать? Остаться? Уехать...

— Марина, мне кажется, уехав из Сибири, ты попала в совершенно иной, непривычный для себя мир. Как в связи с этим изменилось твоё творчество, которое в немалой степени должно зависеть от корней, окружения, уклада? Что в нем преобладает — обретенное новое или утраченное прошлое?

— Творчество, как ты очень верно сказала, зависит от корней, окружения, уклада жизни — его основы, направление, развитие, во всяком случае, это уж точно.

Я, как мне кажется, сформировалась как поэт еще в Сибири. То есть, тематика стиха, импульсивность речи, внутренние ритмы, которые в немалой степени зависят и от темперамента пишущего, — все это было заложено в мою поэтику еще в родных местах. Как и лексикон, приобретенный там, где родилась. И вообще интерес к работе с языком родным.

То, что я попала в «иной мир», то есть в иную бытовую и языковую среду, ничего не решает, я ведь из-за переезда в Германию не стала немкой. Германия — одна из стран объединенной Европы, поэтому, на мой взгляд, в документах, подтверждающих гражданство, в графе «национальность» давно уже пора писать «европеец», а не «француз», «германец», «бельгиец»...

Единственное, что могло оказать влияние на мое творчество, так

это расширение интересов. Надо было войти в новый, незнакомый, язык, знакомиться с местными правилами социальной адаптации, учиться пользоваться средствами коммуникации, которыми в Сибири я не могла или не умела пользоваться: это Интернет, автоответчик, банковская кредитная карточка или же факс и прочие находки технических разработок.

Кроме того, здесь надо уметь водить автомобиль, на котором перемещаться дешевле, чем на общественном транспорте, надо знать даты европейских и местечковых праздников. Почему местечковых? Да потому что в каждой земле Германии свои праздники. Надо и правила коммуникативных отношений понять, причем не только для того, чтобы найти работу и удержаться на ней. В общем, интересно все, но не все удается освоить. Тем более, мы лишь три года прожили в Германии, это срок крайне маленький, чтобы иметь законченное суждение об окружении, укладе, мировоззрении «нового мира».

Это все философско-ознакомительное отступление. А коротко и по существу могу только сказать, что мои стихи, написанные на территории Германии (а мы за это время успели пожить в разных городах), стали... как бы так удачнее выразиться... веселее ритмами, что ли. Я научилась спокойно (применяю это слово только в отношении СВОЕГО темперамента) наблюдать, ЧТО происходит вокруг меня. Созерцать и видеть детали мира. Меньше, как мне кажется, стала сосредотачиваться на своих внутренних психологических переживаниях. Здесь есть на что посмотреть помимо собственного невроза, который сопутствует всем людям, расположенным к размышлениям и склонным к поиску смысла жизни. Надеюсь, никого не обижу сравнением, если скажу, что переезд из Новосибирска в Германию (умы-

шленно вместо одного конкретного города подставляю целую страну, хотя бы по причине нашего свободного перемещения по ней и ее небольшого территориального масштаба) мне лично напоминает выход человека из полутемной прихожей в хорошо освещенную гостевую комнату.

— Твоя очередная книга — это мечта или реальная перспектива?

— Сборник вот-вот выйдет в издательстве «Вита Нова» (Санкт-Петербург). Рукопись пролежала в «ящике стола» около шести лет. В 1996 году она попала в руки художницы Татьяны Миллер — москвички, которая уже много лет живет в Берлине. Таня оформила мои стихи замечательной черно-белой графикой, подарила мне порядка шестидесяти иллюстраций. Книга называется так, как мы тогда с Таней и решили, — «В поисках ангела». Название я не стала менять. А какой смысл? Как ни назови, а стихи-то остались прежними, стихами тех моих лет....

В Германию мне нужно будет вывезти не так уж много экземпляров. Часть тиража «уйдет» в Новосибирск, часть останется в Питере, сколько-то — в Москве, что-то отправлю в Киев. Несколько посылок надо будет переправить в Израиль, там тоже ждут мою книгу.

— Удастся ли в настоящее время заниматься концертной деятельностью? Если да, то чем отличается российская зрительская аудитория от немецкой?

— По мере возможности стараюсь концерттировать. Недавно вот вернулась из Ганновера (это 300 км от Дюссельдорфа), где выступила на сцене — пела, но больше читала, в том числе и новые вещи.

Чем отличается публика немецкая, интересующаяся авторской песней, от русской, интересующейся той же песней? Да почти ничем, собственно... Ну, разве что, на музыкально-поэтические концерты чаще всего приходят люди, знающие, как минимум, два языка. Или три — еще и английский. Иногда четыре — пять языков, как Барбара Хан или Эдгар Гарсиа (первая — немка, второй — испанец). Аудитория не бывает сплошь немецкой. Даже и на концертах эстрады, классики, органной музыки, на спектаклях и проч. и проч. она всегда смешанная. Такова Европа нынче — интернациональна нынче Европа. Но, как правило, «широкая» публика, которая собирается на концерты бардов, — эмиграционная среда.

Проще ли здесь выйти на людей, интересующихся поэзией? Проще. Намного проще, чем можно было предположить. И именно из-за общности статуса — репатрианты.

— Ты, если не ошибаюсь, в свое время была актрисой Театра Елены Камбуровой, твои песни включала в свой репертуар Валентина Пономарева. Поддерживаешь ли связь с этими талантливыми певицами?

— Увы! Актрисой Театра Елены Камбуровой я официально не была никогда. Я не работала на сценических площадках Москвы за плату от театра Елены Антоновны. Но выступала несколько раз в смешанных концертах, а также в «Перекрестке» — театре под руководством Виктора Луфферова.

Что-то коротко писала для Театра. Много раз (с точки зрения почти безвыездного сибиряка того нищего для меня времени, конечно, много раз!) выступала вместе с Леной Фроловой, с Натальей Бондарь. Дважды в Германии, в 1993 году на Международном фестивале музыки и поэзии, а потом и в Берлине, когда я уехала насовсем, а Наташа тоже эмигрировала. А вот Лена и Наташа действительно официально считаются актрисами Театра Елены Камбуровой. А я, как бы сказали немцы, «тайльвайзе», то есть частично.

Связь же с Еленой Антоновной поддерживаю, как могу. Была в Израиле, в Хайфе, — пошла на ее концерт. Встретились, недолго общались. Иногда звоню ей — по праздникам или в день рождения.

С Валентиной Пономаревой, увы, не виделась с 1997 года — того самого времени, когда она была на гастролях в Новосибирске. Но в Париже, куда я ездила в конце марта, довелось встретиться с участниками трио «Арбат», что поют и танцуют в помещении маленького частного цыганского ресторана. Они знают и помнят Валентину Пономареву. К сожалению, я ни разу не встречала в Интернете рекламы ее гастролей. Но если она все-таки будет в наших краях, я с ней непременно встречу.

— Каковы твои творческие планы? К чему сейчас больше лежит душа — к стихам или прозе? Вплетаются ли строки в гитарный звукоряд?

— Планы простые: дождаться выхода книги, за ней поехать, предварительно договорившись о презентации в Питере (еще бы в Москве!), продать, сразу же начать готовить к печати книгу своих переводов с немецкого. Если стихи придут, записывать их. Попытаться все же убедить себя, что смогу и прозу писать. Заставить себя начать над ней работать: аппетит, как известно, приходит во время еды. Надо и новые песни репетировать. Если повезет и кто-то обратится ко мне с просьбой перевести то или иное стихотворение с немецкого, переводить — бескорыстно, из чистого интереса и для удовлетворения самолюбия. Кстати, ко мне недавно обратилась Барбара Кархофф с предложением перевести стишок Георга Крайслера под названием «Барбара». Это юмористическая вещь, почти песня — такой ритм! А Барбара Кархофф много лет помогала Булату Окуджаве на его концертах с переводами текстов песен, она довольно хорошо говорит по-русски...

— В одном из наших давнишних разговоров «за жизнь» ты посоветовала на то, что нас лишили одной из самых главных свобод — свободы передвижения по миру. «Нам не оставили выбора, — сказала ты. — Я люблю Сибирь, но здесь только черно-белая графика. А так не хватает готики...» Сейчас такая свобода у тебя есть. Значит ли это, что ты стала счастливее?

— В принципе, готика — это тоже графика! Только не равнинная сибирская. Она другая. Если бы счастье человеческое зависело только от пейзажа... Это не совсем правильный вопрос: стала ли я счастливее? Можно подумать, я только из-за преобладания черно-бело-серых красок во всей долготе сибирской зимы маялась... Но мне, как бы честнее сказать... теперь интереснее жить. Есть проблемы, которые надо решать, и решаешь их, как можешь. Многое зависит и от личных амбиций, возникают порой разные препятствия в осуществлении планов, идей, бывают и срывы, все ведь, как и в любой человеческой жизни, да и от депрессий никто нигде не застрахован. Но я действительно рада тому, что могу (когда позволяет ситуация и здоровье) куда-то съездить, как, например, в Париж выезжала или в Израиль, в Австрию, Баварию или в Польшу, Голландию или Бельгию. С разными целями, в разное время года...

Надеюсь увидеть Прагу. Только надо организовать эту поездку. Я не люблю туристические разезды, по турпутевкам сроду никуда не ездила. А знакомые и друзья у меня есть далеко не во всех странах, где бы хотелось побывать, с чьей ментальностью интересно было бы познакомиться... Увы! Но есть надежда...

— **Ностальгия — что звучит лично для тебя в этом воспетом стихами понятии?**

— Уф... О ностальгии... Что тебе сказать? Ты верно заметила: «воспетое стихами понятие». Еще Цветаева писала:

*«Тоска по Родине — давно
разоблаченная морока!
Мне совершенно все равно,
где совершенно одиноко...»*

На мой взгляд, ностальгия — понятие, значимое для тех, кто был вытеснен, а не уехал по доброй воле, то есть осознанно. Для тех, кто постоянно ЖДАЛ, когда появится возможность вернуться. Желательно в те же условия существования, например, в царскую — по определению — Россию. В СССР тем людям не хотелось возвращаться. А, как известно, нет ничего более неприятного, чем ждать или догонять. Цели, опять же, иные у них, эмигрантов второй (они воспели?) волны были иные. У тех, кто относился к эмиграции так называемой третьей волны, тоже были свои цели. Они их каждый посвоему осуществили — кто при жизни, кто посмертно. Речь идет в том числе и о диссидентах. Но вот, к примеру, у Довлатова я что-то не нашла «воспетою ностальгии». Цветаеву вот процитировала, могу что-то из Маши Калеко, которую я переводила... Что там у Бродского? «Я взглянул на страну, она лежала... там, где у пчелки жало»... Посмотри сама, насколько отличаются размышления о ностальгии эмигрантов второй и третьей волны.

Наши ощущения? Боюсь, тебя они не устроят. В конце концов, мне чувство ностальгии (тоска если не по Родине с большой буквы, то по родному месту) впервые на душу легла, как тень на корни дерева, когда мы, вся наша большая семья, переехали из дома, где я родилась, на какой-то новый, необжитый клочок нового же района... Мне было 12 лет, я очень тосковала по старому нашему жилью, двору, улочкам, мною впервые увиденным, по которым я первые свои шаги, отцом-матерью за руки подхваченная, делала... А потом много чего сверху, как пыль на курган, наложилось, и продолжает этот курган обрастать впечатлениями, слоями воспоминаний, мыслей отработанных...

Что я тебе могу сказать о ностальгии? Да ничего аппетитного. Нечем огорчить или порадовать. Иное время, иное бытие, иное поколение... Вероятно, в мире духовном, как и в материальном, происходят этикие поколенческие изменения. Я здесь, правда, встречала людей, как бы играющих в ностальгию, о которой они читали в стихах и в прозе. Но это отдельный разговор. И он скорее забавный, а не печальный, как можно было бы предположить, услышав это грозное (и в общем-то иностранное) слово — «ностальгия»...

«Хотя многое тебе наверняка все равно остается непонятым. Но... это трудно, Наташа, что-то объяснить так, чтобы коротко и ясно... Речь-то идет о таком, что, например, только здесь можно понять, ощутить, узнать, встретить, или о том, что только там, в России, о чем тут и понятия не имеют... Сродни бисквиту и начинке: не перемешивается. Но бисквит — это бисквит, а начинка — это начинка. Ну, я уже устала искать сравнения, они чем дальше, тем нелепее будут возникать!» — так заканчивается ее «электронное» письмо — ответ на мою просьбу рассказать о себе, творчестве, перспективах.

«Ты не совсем права, Марина. Мне многое понятно. Непонятно, пожалуй, только одно — насчет пророков в своем Отечестве», — отвечу я ей.

На отъезд из Сибири

Этот запах кленовой смолы,
эта млечная речь!
По-школярски лопочет листья
безымянной орава.
Чем поможешь, мой Боже,
несносное древо сберечь,
Утонувшее в белых снегах
с головой кучерявой?
Я не знаю, куда мои корни ведут.
На Восток?
Там оливы растут. Здесь —
душевная боль и тревога.
Время рушит листву и уносит ее
в водосток:
Это самая верная, слишком
прямая дорога.
Как накажешь, мой Боже, взыскав
по таланту? И впрямь
С нашей братии дикорастущей
Ты просишь, и ныне.
Знаю, будет честней и достойнее
так же сгореть,
Как смоковница древняя
в неплодородной пустыне...
Потому и пишу, и спешу
запечатать письмо.
Если я столь бесплодна, что участи
лучшей не стою,
Пусть заместо меня, отрицаньем
природы самой,
В этой снежной равнине останется
место пустое.

1996 г. Новосибирск

Ноябрь

Не осень, но преддверие ее
Дает понять, что ты почти на воле.
И если боль совет гнездо свое
Под ребрами, ты не заметишь боли.

И в две горсти собрав большой букет
Из теплых листьев, выловленных в луже,
Ты никогда уже не скажешь «нет»
Природе, зная, что бывает хуже.

Столбы и знаки в сгустках темноты
И каждый камень на дороге к дому
Дают понять, как долго прожил ты
Вдали от мест, где мыслил по-другому.

И если показать тебе портрет,
Сработанный провинциальным профи,
Ты не нашел бы в нем родных примет
И никогда бы не признал свой профиль.

Не осень, но преддверие ее
Велит прощаться, сделав знак рукою.
И ты уходишь дальше. Так зверье
Идет на поиск места для покоя.

1999 г. Штраусберг